

прав потребителей» [5] доводит защиту прав потребителя практически до абсолютной, значительно расширяя перечень ответственных перед потребителем субъектов.

В науке гражданского права проблема защиты гражданских прав обычно рассматривается в связи с рассмотрением вопроса о содержании субъективного права. При этом в большинстве случаев отмечают, что субъективное право по своему содержанию представляет собой совокупность ряда возможностей, в частности, возможности для управомоченного лица осуществить право своими собственными действиями; возможности требовать определенного поведения от обязанного лица и, наконец, возможности обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты нарушенного или оспариваемого права. Из этого следует, что, во-первых, возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного материального требования как одно из его правомочий, и, во-вторых, что право управомоченного лица на защиту сводится, по существу, лишь к одной единственной возможности — обратиться с требованием о защите права к компетентным государственным или общественным органам.

Анализ действующего законодательства свидетельствует, что право на защиту по своему материальному содержанию включает в себя: возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя, которые в литературе иногда не совсем точно называют оперативными санкциями [6, с. 120].

Заключение. Защита гражданских прав — это предусмотренная законом система мер, направленных на то, чтобы обеспечить неприкосновенность права, его осуществимость, восстановление в случае нарушения и ликвидацию последствий нарушения.

Защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, т. е. посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты.

В науке гражданского права проблема защиты гражданских прав обычно рассматривается в связи с рассмотрением вопроса о содержании субъективного права.

Во-первых, возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного материального требования как одно из его правомочий, и, во-вторых, что право управомоченного лица на защиту сводится, по существу, лишь к одной единственной возможности — обратиться с требованием о защите права к компетентным государственным или общественным органам.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2004. — 48 с.
2. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие / В. А. Витушко. — Минск : БГЭУ, 2001. — Т. 1. — 254 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноябр. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2017 г. № 14-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 12.01.2017, 2/2452.
4. Толстой, Ю. К. Гражданское право : в 3 т. / Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев. — СПб. : ТК Велби, 2005. — Т. 1. — С. 255—256.
5. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.11.2015 г. № 313-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 03.11.2015, 2/2311.
6. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. — М. : Госюриздат, 1950. — 390 с.

УДК 347.4/5

А. А. Пилипенко,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Введение. Исследование феномена понятия медиации, его генезис и содержание вызывает научный интерес среди представителей различных отраслей знаний, в том числе и юриспруденции. В правовой литературе последних лет, особенно зарубежной, появляется все больше работ, посвященных медиативным процессам. В данных публикациях все чаще начинает обозначаться потенциальный вектор необходимости развития и внедрения примирительных процедур при урегулировании споров, возникающих не только из гражданских, но и публичных, в том числе налоговых, отношений.

Основная часть. При исследовании теоретико-правовых аспектов медиации следует отметить методологическую особенность данного процесса, заключающегося в понимании ее сущности и соответствующего дефинирования изначально в отраслевых правовых науках, что обусловлено прикладной реализацией примирительных процедур в конкретных сферах жизнедеятельности.

Цивилистические конструкции подразумевают под медиацией, в первую очередь, эффективный способ защиты и восстановления нарушенного или оспоренного права. Например, Е. А. Добролюбова полагает, что «медиация является одним из способов альтернативного разрешения спора, который представляет собой способ защиты прав и находит выражение в переговорах между сторонами спора с участием независимого третьего лица в целях разрешения возникшего спора по правилам, определенным сторонами спора или с согласия сторон спора третьим лицом — медиатором» [1, с. 60].

Для предпринимателей и исследователей арбитражного (хозяйственного) процесса — это нахождение экономического баланса интересов. В рамках внеюрисдикционной подсистемы единой системы разрешения и урегулирования правовых споров С. И. Калашникова определяет «медиацию как самостоятельный способ урегулирования правовых споров, представляющий собой особым образом организованную процедуру переговоров с участием нейтрального посредника (медиатора), который содействует сторонам в обсуждении условий урегулирования правового спора и принятию взаимовыгодного решения» [2, с. 9].

Общеправовой ракурс изучения медиации, как отмечалось ранее, предопределен отраслевыми исследованиями данного феномена. Медиацией в самом общем виде А. А. Максуров предлагает считать «опосредованную правом посредническую деятельность третьего для сторон правового конфликта лица, не обладающего полномочиями на разрешение спора по существу, направленную на их самостоятельное и добровольное примирение и на основе этого разрешение юридического конфликта» [3, с. 63]. Причем указанную деятельность он рассматривает и как институт, и как практику, и как технологию.

Вышеуказанные определения медиации во многом имеют прикладную основу, которая в настоящее время применительно к публичным отношениям находится в плоскости отрицания, о чем свидетельствуют, в частности, положения пункта первого ст. 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации» [4], предусматривающего, что данный нормативный правовой акт регулирует отношения, связанные с применением медиации в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений. Практически аналогичные положения можно наблюдать в российском законодательстве [5]. Следует констатировать, что в настоящее время в налоговом законодательстве Республики Беларусь отсутствуют правовые основания применения медиации для разрешения налоговых споров. При этом положения российского законодательства по данному вопросу более категорические в силу прямого запрета на применение института медиации для разрешения споров, затрагивающих публичные интересы [5]. В тоже время белорусская законодательная сентенция «если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений» является основой осознания актуализации медиационных процессов в налоговых отношениях, которые носят ярко выраженный публичный характер, возможной институционализации в системе налогового права и их потенциальной нормативной определенности. Именно в этой трехзвенной плоскости осуществляется научный дискурс в налогово-правовой сфере по рассматриваемому вопросу.

Вопрос актуальности медиации в налоговых отношениях лежит в плоскости использования широкого спектра примирительных процедур для разрешения споров между налогоплательщиками и контролирующими органами. Как отмечает С. М. Миронова, «использование согласительных процедур на стадии обращения за разрешением спора к юрисдикционному органу позволит уменьшить количество налоговых споров, рассматриваемых в административном и судебном порядках» [6, с. 32]. С точки зрения М. В. Аракеловой, «введение альтернативных способов разрешения налоговых споров, таких как медиация, заключение двусторонних (многосторонних) налоговых договоров, введение института налогового консультанта, предполагает закрепление за налогоплательщиком права выбора различных способов разрешения налоговых споров, а также выстраивание отношений на условиях равноправия сторон спора и взаимовыгодного сотрудничества, при котором будут соблюдаться как публичные интересы государства, так и частные интересы налогоплательщика» [7, с. 42].

Одним из дискуссионных является вопрос о нормативном закреплении как посреднических процедур в общем, так и медиации в частности. Изначально следует отметить положительный научный тренд по вопросу взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Например, И. В. Цветков предлагает «активизировать действия по институциональному обеспечению “налогового партнерства” путем включения в Налоговый кодекс РФ принципа сотрудничества» [8, с. 42]. Развивая данное мнение, О. О. Журавлева полагает возможным «поддержать идею закрепления в отечественном законодательстве принципа сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков в качестве одной из обязанностей налоговых органов одновременно с закреплением соответствующих форм, процедур сотрудничества, сроков их проведения, позволяющих гарантировать соблюдение прав и законных интересов налогоплательщиков» [9, с. 70].

Следует отметить и позицию отрицания медиации при разрешении налоговых споров, которая не представляется абсолютно категорической. Например, интересный научный диспарат по данному вопросу наблюдается у Н. Н. Лайченковой. С одной стороны, автор констатирует, что «налогообложение, взаимоотношения между налогоплательщиком и государством — область, в которой примирение процедур посредством независимого посредничества фактически невозможно в силу повышенной заинтересованности государства в реализации фискальной функции налога, ориентированности в кризисных условиях на повышение уровня собираемости налогов» [10, с. 245—246]; с другой — футурологическим образом следует поддер-

жать следующее высказывание автора: «Но если же и допускать появление возможности разрешения споров, возникающих между налогоплательщиками и государством, исключая императивное начало, то это должен быть качественно новый налогово-правовой институт, который получит дополнительное закрепление в Налоговом кодексе Российской Федерации» [10, с. 246].

Закключение. Использование налоговой медиации в настоящее время остается открытым вопросом как с теоретической, так и прикладной точек зрения, его решение необходимо для расширения возможностей качественного разрешения налоговых споров в целях обеспечения высокого уровня исполнения налоговых обязательств, а также гармонизации налоговых отношений.

Наиболее актуальными на сегодня задачами развития института медиации в налоговой сфере являются его популяризация, научное и правовое осмысление в контексте актуализации проблем взаимодействия контролирующих органов и налогоплательщиков и их разрешения.

Список источников

1. *Добролюбова, Е. А.* Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. А. Добролюбова. — М., 2012. — 219 л.
2. *Калашникова, С. И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / С. И. Калашникова. — Екатеринбург, 2010. — 258 л.
3. *Максуров, А. А.* Медиация в праве: вопросы определения понятия / А. А. Максуров // Рос. юстиция. — 2013. — № 12. — С. 60—63.
4. О медиации : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2017.
5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федер., 27 июля 2010 г., № 198-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2017.
6. *Миронова, С. М.* Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С. М. Миронова. — М., 2006. — 245 л.
7. *Аракелова, М. В.* Баланс частных и публичных интересов при альтернативном разрешении споров, возникающих в налоговых правоотношениях / М. В. Аракелова // Финансовое право. — 2015. — № 11. — С. 41—43.
8. *Цветков, И. В.* Об эффективной модели взаимоотношений в налоговой сфере / И. В. Цветков // Финансы. — 2008. — № 8. — С. 38—43.
9. *Журавлева, О. О.* Принцип сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков / О. О. Журавлева // Журн. рос. права. — 2013. — № 3. — С. 63—71.
10. *Лайченкова, Н. Н.* Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии / Н. Н. Лайченкова // Ленинград. юрид. журн. — 2016. — № 1. — С. 241—246.

УДК 347.61

Ч. М. Полатова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ НАЧАЛА СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ТУРКМЕНИСТАНА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. На основании сравнительно-правового анализа общих норм семейного законодательства Туркменистана и Республики Беларусь сделаны выводы о сложившейся самобытности правового регулирования семейных отношений по законодательству Туркменистана и Республики Беларусь. Внесено предложение на основании выявленных особенностей учитывать нормы основных положений семейного законодательства Туркменистана и Республики Беларусь для совершенствования правового регулирования семейных отношений.

Основная часть. Семейные правоотношения в Туркменистане регулируются на основании норм СК Туркменистана от 10 января 2012 года № 258-I [1], а в Республике Беларусь — КоБС Республики Беларусь [2].

В ст. 2 СК Туркменистана указывается, что семейное законодательство Туркменистана основывается на Конституции Туркменистана и состоит из СК Туркменистана [1] и иных нормативных правовых актов Туркменистана.

Если международным договором Туркменистана установлены иные правила, чем содержащиеся в СК Туркменистана, то применяются правила международного договора.

В соответствии со ст. 7 КоБС Республики Беларусь [2] предусмотрено, что законодательство Республики Беларусь о браке и семье основывается на Конституции Республики Беларусь [2] и состоит из КоБС Республики Беларусь и других актов законодательства Республики Беларусь.

Гражданское, жилищное и иное законодательство Республики Беларусь применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством Республики Беларусь о браке и семье.